

Шейх

ЦВЕТOK И ПЛАМЯ

Книга 3

Финал

Анастасия Леманн

18+

Анастасия Леманн

Шейх. Цветок и пламя. Книга 3

«Автор»

2026

Леманн А.

Шейх. Цветок и пламя. Книга 3 / А. Леманн — «Автор», 2026

Жизнь Ирис и Амира, казалось, наконец выстроилась: дом, двое детей, бизнес. Но смерть шейха Абдуллы будит старых призраков — Гера знает, что Амир жив, и наносит удар через посредника. Пока Амир летит в Эмираты с двадцатилетними доказательствами против мачехи, Ирис разбирает коробки с архивом Дмитрия — и находит письмо от настоящего отца, живого и спрятавшегося в этом же городе. Предательство в собственном офисе, заказная налоговая проверка, неожиданная помощь Эсмеральды — всё это разворачивается пока двое пытаются закрыть прошлое, не разрушив настоящее.

© Леманн А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ.	5
ГЛАВА 1.	7
ГЛАВА 2.	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Анастасия Леманн

Шейх. Цветок и пламя. Книга 3

ПРОЛОГ.

Коробку с вещами Дмитрия привезли в среду.

Алина позвонила утром — голос ровный, сухой, деловой. За три года после его смерти она научилась говорить о нём так, будто речь шла о чужом человеке. Бывший муж, бывший обманщик, бывший отец (не отец) — бывший всё.

— Ирис, из его офиса прислали архив. Три коробки. Я не хочу это у себя. Заберёшь?

— Привози.

Коробки стояли в моём кабинете — картонные, пыльные, перевязанные скотчем. Папки, договоры, старые визитки, ежедневники. Жизнь человека, упакованная в макулатуру.

Я разбирала методично — папку за папкой, документ за документом. Бизнес-планы (Павел просматривал параллельно — вдруг что-то важное для наследства). Старые контракты — в том числе с шейхом Абдуллой, с пометками на полях, Дмитриевым почерком. Фотографии — деловые встречи, рукопожатия, безликие лица в костюмах.

На дне третьей коробки — конверт. Плотный, кремовый, запечатанный. На нём — мой адрес. Старый, родительский, где мы жили до всего. И надпись — от руки, незнакомым почерком:

«Ирис. Открыть, когда исполнится двадцать пять».

Мне двадцать шесть. Опоздание — год. Или двадцать лет, смотря как считать.

Я повертела конверт. Тяжёлый — внутри не только бумага. Что-то ещё: маленькое, твёрдое, угловатое.

Вскрыла.

Письмо — два листа, исписанных мелким ровным почерком. И фотография: молодая женщина с тёмными волосами, с моими глазами — миндалевидными, золотистыми. Она улыбалась — широко, открыто, с тем выражением, которое бывает у людей, которые ещё не знают, что мир несправедлив.

Мама. Моя настоящая мама. Светлана.

И письмо — от него. От моего настоящего отца.

«Ирис. Дочка. Если ты читаешь это — значит, тебе двадцать пять, и значит, Дмитрий сдержал обещание (хотя бы одно из всех). Меня зовут Андрей. Я — твой отец. Настоящий. Не тот, кто тебя воспитывал, — тот, кто тебя родил.

Я жив. Я знаю, что тебе говорили другое. Что я исчез. Сбежал. Бросил. Это — половина правды. Другая половина — я был вынужден. После того, как убили твою маму, меня хотели убить тоже. Я отдал тебя Дмитрию — единственному родственнику, которому мог доверять. Или думал, что мог.

Я следил за тобой. Издалека. Все эти годы. Я видел, как ты росла. Видел школьные фотографии (Дмитрий присылал — первые годы, потом перестал). Видел, как ты поступила в университет. Видел — но не мог подойти. Потому что те люди, которые убили Свету, — они всё ещё ищут меня.

Прости. За всё. За то, что не был рядом. За то, что позволил чужим людям растить мою дочь. За то, что не нашёл способа вернуться раньше.

Если хочешь — найди меня. Адрес — на обратной стороне фотографии. Если не хочешь — я пойму. Имею ли право просить — не знаю. Но прошу.

Твой отец. Андрей».

Я перевернула фотографию. Адрес — петербургский. Улица, дом, квартира. Чернилами, тем же почерком.

Положила письмо на стол. Фотографию — рядом. Смотрела на мамино лицо — молодое, двадцатипятилетнее. Мои глаза. Мой подбородок. Мой упрямый лоб.

Светлана. Мама, которую я никогда не знала. Которую убили, когда мне было три. Которая любила итальянские имена (как Бэлла — тоже). Которая не успела ничего — ни вырастить, ни рассказать, ни предупредить.

Руки не дрожали. Глаза — сухие. Я не та девочка, которая трясётся и плачет от каждого удара. Я — женщина, мать двоих детей, которая прошла через золотую клетку, подвал Ареса, кулаки Акбара и год без Амира. Меня сложно удивить.

Но это письмо — удивило.

Отец. Живой. В этом городе. Все эти годы — в этом городе.

Я убрала конверт в ящик стола. Закрыла на ключ. Вечером — расскажу Амиру. Или не расскажу. Или...

Нет. Расскажу. Мы договаривались — никаких секретов. Никаких обменов, никаких «я решу сам». Вместе.

Всегда — вместе.

ГЛАВА 1.

ИРИС

Утро в нашем доме — это хаос. Красивый, тёплый, невозможный хаос, который я не променяла бы ни на какое золото мира.

Мидас — четыре года, ходячее землетрясение — вбежал на кухню с криком:

— Мама! Дина съела мой йогурт!

— У тебя в холодильнике ещё три.

— Но тот был клубничный! А эти — банановые! Банан — не клубника, мама!

— Мидас, банан — прекрасный фрукт. Поговори с ним. Может, подружиться.

Он посмотрел на меня с выражением глубочайшего оскорбления, достойным международного дипломата, и ушёл — разговаривать с бананом. Или с Диной. Или с обоими одновременно.

Дина — три года, тихий омут — сидела за столом и молча доедала клубничный йогурт. На её лице — ни тени раскаяния. Мои гены: упрямство, стратегия, полное отсутствие совести в вопросах йогуртов.

— Дина, ты забрала чужой йогурт.

— Мой.

— Он стоял на полке Мидаса.

— Теперь — мой.

Логика трёхлетнего человека: если я это ем — значит, это моё. Не поспоришь.

Амир спустился к завтраку — свежий, после утренней тренировки. Он по-прежнему тренировался каждое утро — привычка, которую не смог выбить даже Мидас, будивший его в пять утра с криком «Папа, пошли играть!». Рубашка — тёмно-синяя, рукава закатаны. От него пахло — нет, не буду описывать, чем пахнет мой муж, это слишком личное. Скажу только: мне нравится. Двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю — нравится.

— Опять йогуртовая война? — он подхватил Дину на руки, та обняла его за шею и продолжила есть — прямо у него на руках, с ложкой, капая на его рубашку.

— Клубника — моя, — сообщила Дина.

— Конечно, принцесса. Всё — твоё. Весь мир.

— Папа, это нечестно! — Мидас влетел обратно. — Ты всегда за неё!

— Я за справедливость.

— Справедливость — это когда клубника моя!

Я стояла у плиты и улыбалась. Так — каждое утро. Один в один, с вариациями на тему йогуртов, динозавров и вопроса «кто первый в ванную». И каждое утро я думала: это счастье. Настоящее, шумное, измазанное клубникой счастье. За которое заплачено — кровью, годами, потерями.

Стоило? Каждой секунды.

После завтрака Амир уехал — дела, встречи, спортивный клуб (сеть разрослась до четырёх точек, Павел стал партнёром). Дети — к Зареме, которая жила теперь в пятнадцати минутах от нас и забирала внуков (она называла их так — «мои внуки», и ни у кого язык не поворачивался поправить) каждый будний день.

Я — в офис. Мой офис, мой бизнес, моё наследство. Фирма деда — восстановленная из руин, перестроенная, с новой командой. Алина — рядом, в приёмной, с ежедневником и ручкой. Мой якорь. Мой мостик в прошлое, которое мы обе старались не трогать.

— Ирис, к тебе посетитель. Без записи. Говорит — по личному делу.

— Кто?

Алина замялась. Покрутила ручку в пальцах — верный знак, что ей не по себе.

— Ростислав Белов.

Имя — как удар колокола. Гулкий, неожиданный, от которого вибрирует всё.

Ростислав. Мой бывший жених. Тот, с чьей свадьбы меня похитили шесть лет назад. Тот, кто спал с Теей. Тот, кого я не видела, не слышала, не вспоминала — целенаправленно, как вырезают опухоль: аккуратно и полностью.

— Впусти.

Он вошёл. И первое, что я подумала: постарел. Не катастрофически — но заметно. Морщины у глаз, которых раньше не было. Волосы — с проседью на висках. Костюм — приличный, но не новый. Ботинки — чистенные, но стоптанные. Детали, которые я научилась читать за годы бизнеса: человек, который хочет выглядеть хорошо, но ресурсы ограничены.

— Здравствуй, Ирис.

— Здравствуй, Рост.

Имя вырвалось раньше, чем я успела подумать. «Рост» — так я называла его тогда, в другой жизни. Он заметил. Чуть улыбнулся — и от этой улыбки мне стало... ничего. Ровным счётом ничего. Ни тепла, ни боли, ни ностальгии. Пусто.

— Присаживайся. Чай?

— Спасибо.

Алина принесла чай. Поставила — аккуратно, без лишних слов. Вышла. Но я знала: она стоит за дверью и слушает. Потому что Алина помнит всё.

— Ирис, я... Я в Петербурге недавно. Вернулся из Москвы. Узнал про Дмитрия — хотел выразить соболезнования.

— Он погиб три года назад.

— Знаю. Не мог раньше. У меня были... обстоятельства.

— Тея?

Он вздрогнул. Как от удара — мелко, быстро.

— Да. Тея. Мы... Она забрала квартиру. Машину. Половину того, что было. Ушла к какому-то... Неважно. Ирис, я не за этим. Я хотел...

Он замолчал. Крутил чашку в руках — та же привычка, что и шесть лет назад. Крутить, вертеть, переключать. Нервные руки человека, который не знает, куда их деть.

— Я хотел попросить прощения. За всё. За Тею. За свадьбу. За то, что я был трусом. И... если это возможно... Я ищу работу. У меня юридическое образование, опыт. Если у тебя есть место...

Я смотрела на него. На этого мужчину, которого когда-то любила (или думала, что любила), за которого собиралась замуж, который предал меня с моей лучшей подругой. Он сидел передо мной — побитый, постаревший, с просьбой о работе.

— Рост. Ты приехал просить работу у женщины, которую бросил за месяц до свадьбы? У которой жених проспал собственное бракосочетание, потому что был занят подругой невесты?

— Ирис, я...

— Нет, подожди. Я не зла. Честно — не зла. Прошло шесть лет. У меня — муж, двое детей, бизнес. У меня всё хорошо. Мне не больно. Но ты должен понимать, как это выглядит.

— Выглядит жалко. Я знаю.

— Не жалко. Смело. Прийти сюда — после всего — это или храбрость, или отчаяние.

— Второе.

Тишина. Чай остывал. За окном — Петербург, весна, солнце.

— Ладно. Оставь резюме Алине. Я подумаю.

Он поднялся. На пороге обернулся.

— Ирис. Ты... Ты изменилась. Совсем другая. Сильная.

— Пришлось.

— Он хорошо к тебе относится? Амир?

— Это не твоё дело, Рост. Но — да. Хорошо.

Он кивнул. Вышел. Дверь закрылась.

Алина вошла через минуту.

— Ты его возьмёшь?

— Не знаю. Посмотрю на резюме.

— Ирис. Осторожнее с ним. Он не просто так вернулся.

Те же слова, что шесть лет назад — только тогда их говорила мама. «Смотри по сторонам. Не только на него — вокруг».

— Ты как мама, Алина.

— Я и есть твоя мама. Пусть не по крови — но я есть.

Её глаза — мокрые. Быстро отвернулась, занялась бумагами. А я сидела за столом, вертела ручку и думала: Ростислав. Письмо от отца. Амир, который скрывает что-то. Слишком много — для одного дня.

Вечером, укладывая Мидаса, я заметила: Амир сидит в кабинете с телефоном. Набирает сообщение — и при моём появлении убирает телефон в карман. Быстро.

— Кому пишешь?

— По работе.

— С каких пор ты прячешь рабочие сообщения?

Он посмотрел на меня. Поднял бровь.

— Я не прячу. Я убрал телефон. Ты пришла — я отвлёкся.

— Амир, я двадцать четыре часа в сутки рядом с тобой. Я знаю, когда ты отвлекаешься и когда — прячешь.

Пауза. Он откинулся в кресле. Потёр переносицу — жест, который означал: обдумывает, говорить или нет.

— Потом, Ирис. Не сегодня. Ладно?

— Ладно.

Я вышла. Пошла в спальню, достала из тумбочки конверт — тот, кремовый, с письмом от отца. Перечитала. «Я жив. Я в этом городе. Прости».

Два секрета за один день. Его — и мой.

Мы договаривались — без секретов. Без обменов. Вместе.

Но у каждого — свой конверт. И каждый решает — когда вскрыть.

ГЛАВА 2.

АМИР

Шейх Абдулла умер во вторник. Тихо, во сне, в своём дворце — в той самой спальне, где он когда-то приходил к Бэлле и говорил «ты заслуживаешь лучшего», а потом уходил и ничего не делал.

Узнал я от Агзама. Звонок — в шесть утра, пока Ирис спала. Голос — ровный, деловой: — Отец скончался. Похороны — послезавтра. Мухамед уже здесь. Гера — в трауре. Официально.

— А неофициально?

— Неофициально — празднует. Теперь всё — её. Через сыновей, разумеется. Мы наследники. Ты — нет.

— Я и не претендую.

— Знаю. Но — Амир. Она знает, что ты жив.

Мир — замер. Как плёнка, которую поставили на паузу.

— Откуда?

— Не знаю. У неё — везде глаза. Мухамед, может быть. Или кто-то из прислуги. Неважно — она знает. И если она решит, что ты — угроза...

— Я не угроза. У меня нет претензий на наследство.

— Амир, ей плевать на претензии. Ей важен контроль. А ты — неконтролируемый фактор. Ты всегда таким был. И теперь, когда у тебя — жена, дети, бизнес в России... Это — рычаги. Она ими воспользуется.

Тишина. За стеной — Мидас кричал что-то про динозавра. Обычное утро. Каша, чай, детский крик. А по ту сторону телефона — дворец, золото, мрамор и женщина, которая убила мою мать.

— Агзам. У меня есть документы. Доказательства — что Гера сделала с моей матерью. Свидетельства прислуги, записи камер (Зарема сохранила). Я собирал это двадцать лет. Если я передам это тебе — что ты сделаешь?

Долгая пауза. Слышно — дыхание. Тяжёлое.

— Ты просишь, чтобы я выступил против собственной матери?

— Я прошу, чтобы ты сделал то, что правильно. Ты знаешь — что она сделала. Ты знал с пятнадцати лет, когда пришёл ко мне извиняться. Помнишь?

— Помню.

— Тогда — реши. Я прилечу, привезу документы. А ты — решишь.

— Мне нужно время.

— Времени нет, Агзам. Если Гера ударит первой — времени не будет ни у кого.

Звонок закончился. Я сидел в кабинете, с фотографией мамы перед глазами, и думал: двадцать лет. Двадцать лет я ждал этого момента — когда смогу посмотреть Гере в глаза и сказать: «Я знаю, что ты сделала. И теперь — знают все».

Двадцать лет — и вот он, момент. А мне — страшно. Не за себя. За них. За Ирис, за Мидаса, за Дину. За семью, которую я построил из пепла и которую Гера может разрушить одним телефонным звонком.

Ирис пришла в кабинет через час. Стояла в дверях — в домашнем, босиком, с чашкой чая. Смотрела на фотографию Бэллы на моём столе.

— Расскажи.

Я рассказал. Всё — про звонок Агзама, про смерть шейха, про то, что Гера знает о моём существовании. Про документы, которые я хранил двадцать лет. Про план.

Ирис слушала молча. Ни одного вопроса, ни одного перебивания. Когда я закончил — тишина. Она отпила чай. Поставила чашку.

— Лети.

— Ирис...

— Лети. Закрой это. Двадцать лет — достаточно. Бэлла ждала. И ты ждал. Хватит.

— А если Гера ударит здесь? По тебе? По детям?

— Зарема, Павел, Раиль (он до сих пор работал — на нас, после смерти Дмитрия). Мы справимся. Не первый раз.

Я смотрел на неё — на эту женщину, которая в двадцать лет боялась тигрицы в коридоре, а в двадцать шесть спокойно отправляла мужа на войну с женщиной, убившей его мать, — и понимал: она сильнее меня. Всегда была. Просто раньше — не знала этого.

— Договорились. Лечу через три дня. Как только Павел оформит документы.

— Амир.

— Да.

— Мне тоже нужно тебе кое-что рассказать.

Она достала из кармана конверт — кремовый, плотный, с надписью от руки. Я прочитал письмо. Посмотрел на фотографию — молодая женщина с Ирисиными глазами.

— Твой отец.

— Настоящий. Живой. Здесь, в Петербурге.

Я положил письмо на стол. Рядом с фотографией Бэллы — фотография Светланы. Две женщины, две матери, две жертвы мужчин, которые не смогли их защитить. Параллель — настолько точная, что по спине прошёл холод.

— Ты хочешь его найти?

— Не знаю. Может быть. Когда ты вернёшься.

— Вместе?

— Вместе.

Она подошла, села мне на колени (как тогда — в Эмиратах, утром, после завтрака, когда я подхватывал её и нёс в спальню). Положила голову мне на плечо.

— Амир. Мы оба — дети людей, которых убили. Ты это понимаешь?

— Понимаю.

— И мы оба — выжили. И нашли друг друга. Это — не совпадение.

— Нет. Не совпадение.

Амулет — между нами, на её груди. Тёплый, золотой, Бэллин. Мой. Наш.

Следующие три дня я готовился. Павел собирал документы — копии, заверенные нотариусом, с переводом на арабский. Двадцать лет улик: показания Заремы (записанные на диктофон — Зарема надиктовала всё, трясущимися руками, глядя мне в глаза), записи старых камер дворца (которые Зарема вынесла в тряпке, спрятав под юбкой), свидетельство повитухи, которая принимала роды у Бэллы и которая видела, как Гера подсылала людей.

Тяжёлая папка. Двадцать лет жизни — в килограмме бумаги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.